

С. Ю. Витте

Воспоминания: том III

**Детство. Царствование
Александра II и Александра III**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
С11

С. Ю. Витте
С11 Воспоминания: том III: Детство. Царствование Александра II и Александра III / С. Ю. Витте – М.: Книга по Требованию, 2021. – 412 с.

ISBN 978-5-458-11555-1

Сергей Юльевич Витте (17 (29) июня 1849 — 28 февраля (13 марта) 1915) — граф, российский государственный деятель, министр финансов России (1892—1903), председатель комитета министров, председатель Совета министров Российской империи (1905—1906).

ISBN 978-5-458-11555-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

недавнего прошлого. Бесконечной чередой проходят по страницам мемуаров крупные и мелкие чины правящей бюрократии царствования Александра III; характеристики этих лиц, большею частью данные под углом отношения их к Витте, в то же время не лишены злого остроумия и убедительной меткости. Не забывает Витте и российских грюндеров конца 70-х и 80-х г.г.; — железнодорожных королей (Блиох, Губонин, Поляковы, Дервиз и др.), банкиров (Бродские, Штиглиц и др.), подрядчиков по интендантству во время русско-турецкой войны (Варшавский, Грегер и др.), ловких жуликов-юристов, помогавших дельцам грабить казну (Серебряный), специалиста по уставам акционерных обществ Суцова (276 — 281). Несмотря на никогда неизменяющую Витте сдержанность, даже и тот материал, который он дает, весьма ярко рисует «золотой век» российского капитализма. И это тем более, что иногда пахучие воспоминания развеселого прошлого настолько сильно охватывают автора мемуаров, что он не удерживается и рассказывает «анекдоты», даже и «биржевые», отсутствие которых в первых томах удивляло М. Н. Покровского. Их, правда, не так много, но те, которые сообщены, весьма содержательны. Хорош Цион, «в чине действительного или чуть ли не тайного советника», получающий 200.000 франков от французских банкиров за устройство первого крупного русского займа во Франции; недурен министр финансов Вышнеградский, за подобные же услуги получивший 500.000 франков; а еще лучше председатель департамента экономии и самый влиятельный член комитета финансов А. А. Абаза: он ловко использовал официально известный ему секрет министра финансов Вышнеградского (Вышнеградский играл на понижение русского кредитного рубля) и, приняв за свой личный счет участие в этой игре, «заработал» без всякого риска на проигрыш 900.000 рублей (187 — 197).

Но центральный интерес тома — в самом Витте. Вполне естественно, что спокойное изложение автобиографии дает много сведений чисто формулярного характера: где и когда родился, от каких родителей, где учился, как проходил служебное поприще и т. д. Но это же спокойное изложение, подчас незаметно для самого автора, дает ряд мелких фактов, случайно оброненных суждений, которые обрисовывают облик Витте более четко, чем осторожный и лукавый рассказ о том или ином важном политическом выступлении. И бесконечные восторги и преклонение пред «наилучшим монархом» Александром III являются ничем иным, как самовосхвалением, самовлюбленностью, которыми насквозь пропитаны воспоминания Витте. Ведь, по Витте, главное достоинство Александра III, «самого чистого, святого человека» (332), но в то же время человека «ординарного образования» с «небольшим умом-рассудком» (334), заключалось,

собственно, в том, что он предоставил полную возможность развернуться способностям талантливому «титularного советника» из железнодорожных дельцов. В сущности III том «Воспоминаний» — не что иное, как чиновничье повествование о добродетельней и безмятежней идиллической жизни и подвигах умнейшего буржуазного первого министра при глупом, но «добром» буржуа, царе-самодержце.

Как же рисует Витте героев своей идиллии? Первый буржуазный министр буржуазной монархии гордится тем, что он сам собственным умом и трудом проложил себе дорогу (51), как собственною «ловкостью» нажили миллионы Губонины, Поляковы, Дервизы, за что Витте готов простить им чрезвычайную близость их «ловкости» к уголовно-наказуемому жульничеству. Он беспощадно клеймит представителей родовой знати, с низменными сторонами которой ему часто приходилось сталкиваться как министру финансов. «На свете, конечно, много есть алчных людей, даже большинство людей алчно, так как это чувство до известной степени есть закон природы (Витте, надо полагать, забыл добавить — «буржуазной природы», алчность которой, разумеется прекрасно знал министр российской буржуазии. *Ред.*), это есть самозащита — у знати же чувство это во сто раз больше, чем у обыкновенных людей . . . Мне приходилось видеть таких знатных лиц, которые при различных высочайших выходах, высочайших балах держат себя так важно, что со стороны кажется, что к ним добаться нельзя, а между тем эти же самые лица в моем кабинете из-за какой-нибудь денежной выгоды, из-за десяти тысяч или ста тысяч рублей готовы были ползать чуть ли не на коленях, оказывали мне всякое ухаживание и проявляли великое подобострастие» и т. д. (202). Рассуждение о правых и левых «негодях» так неподражаемо, что его стоит процитировать: «нужно вообще сказать, что если в левых партиях и есть негодяи, то во всяком случае негодяи эти, большею частью, все-таки действуют принципиально, из убеждений, но не из-за корысти, не из-за подлости; но, кажется, во всем свете, во всяком случае в России, большая часть правых деятелей — негодяи, которые делаются правыми и действуют будто бы ради высоких консервативных принципов, а на самом деле преследуют при этом исключительно свою личную пользу. Так что я мог бы в этом отношении сказать такую формулу: негодяи из левых, совершая гадкие дела, совершают их все-таки, большей частью, из-за принципа, из-за идеи, а негодяи из правых совершают гадкие дела всегда из корысти и из подлости» . . . (230).

Витте не одобряет введение института земских начальников, ограничение независимости суда, ему «кажется совершенно невероятным, что в конце прошлого XIX столетия могли быть

возбуждаемы такие вопросы, которые, собственно, могли возникнуть лишь в средние века» (362 и сл. — по вопросу о переселении крестьян в Сибирь, которое встретило противодействие «частных землевладельцев дворян и их ставленников в бюрократическом мире Петербурга» с «крепостническими идеями и чувствами»). Он зло смеется над титулованными барями, занимавшими высокие посты по министерству иностранных дел («как известно, что бы быть послом, не нужно очень много заниматься; большинство послов часто ровно ничего не делает», 267). Но, в конце концов, он сам не может освободиться от предрассудков и влияний дворянской среды, в которой сам вырос и которая была еще так сильна при буржуазном царе и его буржуазном министре из дворян.

Посмотрите, как тщательно выписывает он свои боковые связи с родословным древом князей Долгоруких (1 стр.), и еще не один раз в ходе изложения он напомнит, что его бабушка по матери — «урожденная Долгорукая». И как он гордится подозрительным, перешедшим к нему по наследству, родовым крестом «со святыми мощами» «мученика» кн. Михаила Черниговского (13 — 14). Пусть «свободный» от дворянских кастовых предрассудков, вольнодум на аксаковских славянофильских дрожжах, почти «революционер», Витте постоянно тщательно отгораживается от черносотенной дворянской реакции (8, 18 — по вопросу о православии, 30 — «узкого национализма» и т. д.) . . Но в его злых характеристиках тех или иных неугодных ему лиц эта злость часто не находит иного выражения, как дешевое зубоскальство самого черносотенного пошиба. Кн. Ольга Федорова грешна «семитским происхождением» (31); Ф. М. Штерн, еврей, «имел один недостаток, свойственный его расе; скажу, может быть, резкое слово: известное нахальство» (70); О. И. Черкова — «несомненный факт — еврейского происхождения, но это, по моему мнению, несколько не служит для нее каким-нибудь минусом» (113); барон Шерваль — «с известной финляндской тупостью» (162); Вендрих — «человек весьма ограниченный, как могут быть ограничены только немцы» (207); Тернер — «тупой немецкий ум» (235); Делянов — «в полном смысле слова хороший, добрый и хитрый армяшка» (254); «граф Бенкендорф — ярый католик, но, тем не менее, весьма порядочный человек» (324) и т. д.

Витте прекрасно понимал, что его «буржуазная монархия» получила скверное наследие от дворянской крепостнической, он сознавал, например, что «в России министр земледелия должен заботиться главным образом и почти исключительно о земледелии крестьян, а не о земледелии крупных помещиков» (285), — но что сделал он для «земледелия крестьян»? . . Он иронизирует над Победоносцевым, который, развивая своеобразную народ-

ническую идиллию («в России между работодателями и рабочими существуют . . . патриархальные отношения, . . . наши рабочие на фабриках, собственно говоря, есть землепашцы и землевладельцы», 300), решительно вставал против проекта закона об ответственности хозяев фабрик и промышленных предприятий за смерть и увечье рабочих. Но его собственная политика по рабочему вопросу — да и вся внутренняя политика — разве не были продиктованы ужасом пред тем «зверем» (сознательным пролетариатом), которому «терять нечего»?

Витте принадлежат справедливые слова о российской безграмотности: «главный недостаток России . . . заключается в отсутствии народного образования . . . Нигде в цивилизованных странах нет такого количества безграмотных, как у нас в России» (316). Но что он, хозяин финансов страны, сделал для устранения этого «главного недостатка», кроме всяческих воспособлений и поощрений образованию детей торговцев, промышленников и их прихвостней? Разве то, что, по его собственным словам, он «был первым министром финансов, который начал относиться с полным сочувствием к церковно-приходским школам» (317), т.-е. к самой отвратительной пародии на школу? Да и сочувственное отношение к этой «школе» у Витте было обусловлено не столько ее образовательными возможностями, сколько ее связью с церковью. Ведь либеральному же министру буржуазии принадлежит и эта циничная и лживая характеристика русского народа: . . . «русский народ, если бы только он не был народом христианским и православным, — был бы совершенным зверем, единственно, что отличает его от зверя — это те основы религии, которые переданы ему механически или внедрены в него посредством (?) крови» (316 — 317).

Витте смеется над «идиллией о благородном помещике, который в земском участке судит и рядит»; «несомненно, — говорит он, — России предстоит опрокинуть как учреждение земских начальников, так опрокинуть и земские учреждения 90-х годов»; он надеется, что «правительство будет настолько благоразумно, что . . . не будет дожидаться того времени, когда . . . неизбежные преобразования будут сделаны из-под палки, т.-е. путем волнений и недовольства масс» (244 — 45); он «уверен, что имп. Александр III по собственному убеждению двинул бы Россию на путь спокойного либерализма» (143). Но не «палка» ли крестьянских восстаний, не пробуждение ли «зверя» заставили его задним числом (писал он эту часть мемуаров в 1910 — 12 г.г.) приписывать себе мудрые мысли о возведении над новой буржуазной базой русской государственности новой буржуазной же правовой надстройки, под которой — сладко поет идеолог буржуазии — государство «живет не эгоистической жизнью, а жизнью для пользы народа» (341)? Ведь и буржуазному мини-

стру и им опекаемой буржуазии так хорошо жилось при «святом» буржуазном царе, не отказавшемся от всех прелестей феодальной монархии «божией милостью».

Александр III — «самый чистый, святой человек», с «благороднейшим, . . . это мало сказать благороднейшим — именно царским сердцем». В чем выявлялось это «благородство» Александра — верного охранителя-стражника интересов российской буржуазии, Витте, очевидно, забыл сообщить. Разве только в том, что он высил автора «Воспоминаний». Но он не забывает реставрировать допотопную реакционную теорию о внеклассовом и надклассовом царе: «у русских императоров и у наследников русского престола нет всех тех интересов, которые имеются у обыкновенного смертного, — интересов эгоистических, материальных, которые так часто портят человеческое сердце». Он расписывает дорогие буржуазному сердцу «добродетели» Александра III: «как семьянин, — это был образцовый семьянин», «как начальник и хозяин, — это был образцовый начальник и хозяин», «любил пищу чрезвычайно простую», «любил русский костюм — поддевку с большими широкими панталонами и высокими сапогами», «ужасно не любил больших комнат», «был очень плохой верховой ездок и боялся верховой езды» (329 и сл.). И на стр. 340 Витте возвышается до насквозь фальшивого меццанского сентиментализма, рисуя «идеального» буржуазного царя, но царя «божией милостью», со всеми атрибутами неограниченной власти и произвола, приятными и буржуазии, раз они применяются в ее классовых интересах. Вся беда Витте, да и России, по его мнению, и была в том, что место такого удобного идиллического «самодержавного русского царя», «покровителя-печальника русского народа . . . , защитника слабых» (помещиков и капиталистов? *Ред.*), смотревшего из-под руки предстателя буржуазии, занял Николай II, освободившийся от мудрой опеки «друга» своего отца и следовавший указаниям иных, менее мудрых советников. Жалкая «философия истории», впрочем, вполне достойная своего автора, верившего (?) в особые сверхчеловеческие свойства «сердец» царей и их наследников.

На самом деле Витте прекрасно понимал, что интересы быстро развивающегося буржуазного общества в России принудительно диктуют свои требования власти. Даже его «святого» царя, но все же дворянина, Александра III, «пекущегося преимущественно об интересах слабых», «не могло не шокировать такое положение вещей, что в государстве создались как бы особые царства железнодорожные, в которых царили маленькие железнодорожные короли вроде Полякова, Блиоха, Кроненберга, Губонина и пр.; и пр.». И Витте рассказывает веселый анекдот, как железнодорожный король Половцев в Гатчине, вытребовав себе особый, «очень легкий поезд», «перед носом

всех (и царя! *Ред.*) уехал», задержав экстренный поезд для гостей, приглашенных царем (319). Рассказывает и другой анекдот, как «самые первоклассные москвичи» (Кокорев, Губонин, Данилов, Сущов) «щелую ночь, от Москвы до Петербурга, все время играли в карты, дули шампанское с отваром огурцов, т.-е. с огурцовым квасом»; он сам, «конечно, очень удивился их вкусу и, конечно, по их способу не пил», а пил по-дворянски. И что же? На парадном обеде, данном Николаю II на Нижегородской ярмарке по случаю открытия выставки, уже многие из свиты пили шампанское по-купечески, правда, с некоторой вариацией, — не с огуречным рассолом, а с хлебным квасом (280 — 81).

Буржуазный квас с дворянским шампанским в конце концов принял, очевидно, и сам Витте, как некий символ для себя и для Александра III («не от разума, а скорее от царского сердца» Александр III понимал, по словам Витте, что «Россия может сделаться великой лишь тогда, когда она будет страной не только земледельческой, но и промышленной»), но в то же время до конца дней своих остался с древним родовым крестиком кн. Долгоруких и верой, что царю «страна вверена богом». Он не смог преодолеть тех социально-экономических и политических противоречий, которыми насквозь была пропитана дореволюционная Россия. В этом бессилии, окрашенном жутким ужасом пред «палкой» крестьянских восстаний и «зверем» города (пролетариатом), — трагедия, несомненно, умного Витте, трагедия и той династии, вернейшим холопом которой был первый (и последний!) настоящий буржуазный министр «наилучшего» самодержавного царя с феодальной идеологией и с мещанскими вкусами.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	СТР.
Предварительные замечания	III
Предисловие редакции	IV

ГЛАВА I

О ПРЕДКАХ.

О предках. — О Блавацкой. — О Желиховских. — О семействе отца. — О брате Александре. — О брате Борисе. — О сестрах Ольге и Софии. — О бабушке Е. П. Фадеевой, урожденной кн. Долгорукой. — О древнем кресте князя Михаила Черниговского	1
---	---

ГЛАВА II

РОСТИСЛАВ АНДРЕЕВИЧ ФАДЕЕВ.

О Ростиславе Андреевиче Фадееве. — О наместнике кавказском князе Бяратинском. — Предположения князя Бяратинского о реорганизации армии. — О реорганизации армии Милютиним и отношении к его мероприятиям Р. А. Фадеева и других. — Отставка Р. А. Фадеева и поездка в Египет. — Восточная война. — Участие Р. А. Фадеева в Восточной войне 1877 г. — Реорганизация армии в царствование Александра III. — О графе Милютине и его сыне	15
---	----

ГЛАВА III

КАВКАЗСКИЕ НАМЕСТИКИ.

О великом князе Михаиле Николаевиче. — О Дундукове-Корсакове. — О Шереметьеве. — О князе Голицыне. — О графе Воронцове-Дашкове. — О горной промышленности на Кавказе и участии в ней отца	29
---	----

ГЛАВА IV

ВОСПОМИНАНИЯ ИЗ ДЕТСТВА И ЮНОСТИ.

Воспоминания из детства. — О митрополите Исидоре. — Об экархе Грузии Евсевии. — О бароне Николаи и его брате. — О Старицком. — Об Инсарском. — О князе Мухранском. — О генерале Евдокимове. — О генерале Геймане. — О ген. Лазареве. — О генерале Роле. — Бунт тифлисского населения против мясников. — О Чевчавадзе. — О князе Бебутове. — О грузинском князе Ираклии. —	
---	--

О Дюма-отце. — О Тенгоборгском. — О докторе Андреевском и князе Шервашидзе	стр. 38
--	------------

ГЛАВА V

ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ ВОСПИТАНИЕ. ГИМНАЗИЯ. УНИВЕРСИТЕТ.

О первоначальном воспитании и образовании. — Подготовка к поступлению в университет. — О пребывании в университете. — Об Афанасьеве. — О Миллере, студенте. — О Лигине. — О профессорах университета Григоровиче, Ягиче и др. — О профессоре Сабинине. — О чистых математиках и математиках-исчислителях. — О значении и влиянии университета на студентов. — О преподавании в университете предмета богословия. — О бывшем священнике Петрове	47
--	----

ГЛАВА VI

МОЯ СЛУЖБА НА ОДЕССКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ.

Предположения сделаться профессором. — О генерал-губернаторе Кюсебу и причислении меня к его канцелярии. — О графе Бобринском и его совете поступить на жел.-дорожную службу. — О поступлении на службу на Одесскую железную дорогу. — О Штерне. — О Н. М. Чихачеве и предположении сделать меня начальником движения дороги. — О назначении управляющим дорогой Горчакова. — О назначении управляющим дорогой Унгерн-Штернберга. — О положении железной дороги во время Восточной войны 1877 г. — Несколько эпизодов за период моей службы на Одесской жел. дороге. — О проезде на войну императора Александра II. — О ротмистре Кузьминском. — О Стамбулове. — Сравнение положения железнодорожного дела в прошлом и настоящем. — Тилигульская катастрофа. — О моей деятельности по перевозке войск на театр военных действий в 1877 г. — О железнодорожном конгрессе в Брюсселе. — Освобождение от наказания за Тилигульскую катастрофу, арест и отбытие наказания	67
---	----

ГЛАВА VII

О ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫХ КОРОЛЯХ.

Об образовании «Общества Юго-Западных жел. дорог». — Переезд в Петербург на место начальника эксплуатационного отдела Юго-Западных жел. дорог и первая женитьба. — О железнодорожных королях. — О Блюхе. — О Кроненберге. — О Губонине. — О Полякове. — О Дервизе и фон-Меке. — О Штейнгеле. — Об участии в трудах комиссии графа Баранова. — Переезд в Киев на должность начальника эксплуатации Юго-Западных железных дорог	92
---	----

ГЛАВА VIII

О СООБЩЕСТВЕ «СВЯТАЯ ДРУЖИНА» И МОЕМ УЧАСТИИ В НЕМ.

Убийство императора Александра II. — Письмо мое Фадееву. — Свидание с Воронцовым-Дашковым и Шуваловым. — Поездка в Париж. — Мой выход из «Святой Дружины»	103
---	-----

ГЛАВА IX

МОЯ СЛУЖБА В КИЕВЕ.

СТР.

О генерал-адъютанте Дрентельне. — О прис. повер. Андреевском. — О генерал-губернаторе Черткове и его жене. — О назначении меня управляющим Юго-Западн. жел. дорогами. — О Вышнеградском. — Об А. И. Путилове. — О Барке. — О подборе сотрудников во время управления Юго-Западн. жел. дор. — О Циглере. — Об Абрагамсоне. — Об инженере Демчинском. — Еврейские беспорядки в Киеве и Одессе. — О генерал-губернаторе Коцебу. — О семье Юзефовичей. — О Лорис-Меликове. — О великой княгине Александре Петровне и великих князьях Петре Николаевиче и Николае Николаевиче. — О принце К. П. Ольденбургском. — О Д. И. Пихно. — О Н.Х. Бунге. — Об основании газеты «Киевское Слово», полемике с Пихно и о книге «Принципы жел.-дор. тарифов». — О проф. Меринге и его сыне. — О профессоре Картавцеве. — О профессоре Гюббенете. — О ректоре университета Ренкампфе и адъютанте Трепове. — О Бродском, его детях и брате. — О Потоцком и его сыновьях. — О Половцеве. — О князе Горчакове. — О комиссии графа Баранова . . . 110

ГЛАВА X

О ПОЕЗДКАХ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III ПО ЮГО-ЗАПАДНЫМ ЖЕЛ. ДОР. — КАТАСТРОФА В БОРКАХ.

О приезде императора Александра III в Киев. — О поездке императора Александра III на маневры в Брест и Белосток и свидании с императором Вильгельмом в бытность последнего наследником. — О поездках императора Александра III по Юго-Зап. жел. дор. в конце 80-х годов. — О катастрофе императорского поезда в Борках и мое участие экспертом в вопросе о причинах катастрофы. — Об инженере, члене гос. совета Салове. — О великих князьях Сергее Александровиче и Павле Александровиче . . . 150

ГЛАВА XI

НАЗНАЧЕНИЕ МЕНЯ ДИРЕКТОРОМ ДЕПАРТАМЕНТА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫХ ДЕЛ. — ПОЕЗДКА В СРЕДНЮЮ АЗИЮ.

Об упорядочении тарифного дела на железных дорогах и моем участии в нем. — О назначении меня директором департамента. — О П. М. Романове. — О В. И. Ковалевском. — О Максимове, Гиациндове и др. — О представлении императору Александру II по случаю назначения директором департамента. — Об А. А. Абазе. — Об операции Вышнеградского с кредитным рублем и пари с ним о высоте курса рубля. — О поездке с Вышнеградским по России, в Закаспийский край и на Кавказ. — О великом князе Николае Константиновиче. — О посещении Мургабского имения государя. — О посещении Кисловодска для свидания с первой женой и ее кончине. — О торговом доме Рафаловичей в Одессе и операции А. А. Абазы с кредитным рублем. — Об увольнении Абазы с поста председателя департамента гос. совета и о назначении на его место Сольского. — О выступлении Дуранте против меня по делу торгового дома Рафаловичей и Абазы. — Об упорядочении тарифного дела в бытность директором

департамента железнодорожных дел. — О передаче тарифной части департамента железнодорожных дел в министерство торговли и про- мышленности и обратной передаче ее в министерство финансов, и при- чинах, побудивших к этому	165
---	-----

СТР.

ГЛАВА XII

НАЗНАЧЕНИЕ МЕНЯ МИНИСТРОМ ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ.

О Посьете. — О генерал-лейтенанте Паукере. — О Гюббенете. — О полковнике Вендрихе. — О назначении и деятельности на посту министра путей сообщения и о сотрудниках. — Об Иващенко. — Об удалении Вендриха. — Об издании правил движения император- ских поездов	204
---	-----

ГЛАВА XIII

ПОЕЗДКА НА ХОЛЕРНУЮ ЭПИДЕМИЮ. — ВТОРАЯ
ЖЕНИТЬБА.

О поездке на Волгу для осмотра мероприятий против холерной эпидемии. — Посещение города Самары. — Посещение гор. Сара- това. — Посещение гор. Царицына. — Посещение гор. Нижнего- Новгорода и о губернаторе генерале Баранове. — Об отношении импе- ратора Александра III к студентам. — О второй женитьбе	214
--	-----

ГЛАВА XIV

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ ВЫШНЕГРАДСКИЙ. — НАЗНАЧЕНИЕ
МЕНЯ МИНИСТРОМ ФИНАНСОВ.

О Ционе и его памфлетах против Вышнеградского и меня. — О характере и болезни Вышнеградского. — О Тернере, товарище И. А. Вышнеградского по министерству финансов. — О кончине Вышнеградского, назначении меня управляющим министерством финан- сов и назначении Кривошеина управляющим министерством путей сообщения. — По поводу записки Циона о получении И. А. Вышнеград- ским взятки в 500.000 франков	225
---	-----

ГЛАВА XV

ОБ ОБЩЕСТВЕННЫХ ДЕЯТЕЛЯХ И ЛИЦАХ, СТОЯВШИХ
У ВЛАСТИ В БЫТНОСТЬ МОЮ ДИРЕКТОРОМ ДЕПАРТА-
МЕНТА И МИНИСТРОМ.

О министре внутренних дел графе Толстом. — Об Иване Николае-
виче Дурново, министре внутренних дел и председателе комитета
министров. — О военном министре Ванновском и начальнике глав-
ного штаба Обручеве. — О министре юстиции Манасеине. — О К. П.
Победоносцеве, обер-прокуроре св. синода. — О Т. И. Филиппове,
государственным контролере. — О Н. М. Чихачеве, морском мини-
стре. — О великом князе Алексее Александровиче. — О графе Деля-
нове, министре народного просвещения. — О генерал-адъютанте Рих-
тере, главноуправляющем канцелярией е. и. в. по принятию проше-